

Учебник истории и идеологический дефицит

Уроки истории не могут служить эффективным механизмом идеологической индоктринации из-за острой нехватки учебных часов и необходимости готовиться к ЕГЭ. К тому же у власти нет цельной и четкой идеологии и отсутствует патриотический дискурс, приспособленный к современным условиям

Филипп Чапковский

Несколько лет назад, в разгар дискуссии о новом школьном учебнике истории для 11 класса под редакцией Александра Филиппова, автор последней главы учебника (о 2000-х) Павел Данилин написал в своем блоге: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут, и так, как нужно России. Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бородачками, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания»¹. Это угрожающее обещание так и не было выполнено.

Идеологи-патриоты и либеральные критики режима склонны воспринимать систему образования как этакий идеологический молот. Первые связывают с ним надежды, а вторые видят его в кошмарах, но и те и другие преувеличивают его силу. Как одно из пространств для формирования гражданской или национальной идентичности, школа выполняет двойную функцию: образно говоря, передатчика и накопителя господствующей идеологии. Как передаточное звено, школа служит местом приложения государственных усилий по форми-

рованию у школьников таких представлений, которые хотела бы привить им правящая элита. Одновременно школа являет собой хранилище уже имеющихся представлений учеников и учителей. Как канал связи для передачи идеологических сообщений школа — весьма ненадежный инструмент: между посланным и полученным сообщениями существует значительная разница. Даже если мы оставим за скобками то немаловажное обстоятельство, что говорящий — государство — сам толком не знает, что сказать. Этот факт делает даже изначальное сообщение довольно невнятным.

Оставив в стороне причины этой идеологической немоты государства, попробуем рассмотреть, насколько обоснованы опасения, что современная образовательная система при наличии соответствующей политической воли способна трансформироваться в филиал министерства пропаганды.

История вопроса

Проблема идеологического наполнения школьных учебников в советское и постсоветское время изучается довольно давно. Однако большая часть исследований была посвящена тому, что американская исследовательница

Елена Лисовская² назвала «сферой производства» идеологии — то есть, пользуясь ее же формулировкой, они изучают «меню», предлагаемое посетителям идеологического ресторана. При этом остается в стороне так называемая «сфера потребления» (*consumption side*): процесс выбора «потребителями» элементов меню и степень усвоения ими выбранного продукта. Иными словами, при обилии работ, изучающих содержание школьных учебников³, лишь немногие исследования задаются вопросом об устройстве и эффективности механизмов передачи идеологии «вниз», в головы учителей и учеников. В качестве примера подобной работы можно упомянуть сравнительно недавнюю публикацию Екатерины Левинтовой и Джима Баттерфилда⁴, в кото-

Вопросом о том, как бюрократическая машина образовательной системы гасит посылаемый из центра сигнал, задался пятнадцать лет назад Дэвид Менделофф⁵. На российском материале подобное исследование уникально. Однако, несмотря на всю свою значимость, данная работа отчасти потеряла актуальность в связи с реформами, которые претерпела российская система образования за это время. Менее узкую задачу — разобраться, посредством каких информационных каналов формируется представление об истории у современных молодых россиян и какую роль в этом играет школа, — ставили перед собой многие. В первую очередь исследования концентрируются вокруг «крупных историче-

“Тезис о том, что наибольшее влияние на формирование мировоззрения ребенка оказывает школа, подвергается сомнению”.

рой проанализированы ценностные установки молодых людей и прослеживается причинно-следственная связь между этими установками и теми учебниками, по которым их носители обучались в школе. Авторы статьи провели интервью с 37 активистами прокремлевских группировок (таких как «Наши» или «Молодая гвардия»). Затем, оговорившись, что их выводы не претендуют на репрезентативность, авторы сделали следующее заключение: идеологические установки этих молодых людей весьма близки к тем, которые исподволь или явно высказываются в учебниках, получивших негласное одобрение «сверху» — вроде того же учебника Филиппова. Никаких более масштабных исследований школьников и их представлений об истории не проводилось, не считая некоторого количества социологических опросов, но их цель скорее состояла в том, чтобы выяснить, насколько хорошо россияне помнят факты из школьного учебника.

ских событий», или «великих событий» — по мнению Бенедикта Андерсона, своего рода «реперных точках», на которых базируется национальная идентичность и идеология⁶. Примером подобной работы может служить анализ представлений постперестроечного поколения россиян о девяти крупных исторических событиях советского времени (от Большого террора до освоения целины и полетов в космос), проделанный Говардом Шуманом и Эвой Корниг⁷. Из этой работы следует, что представление об исторических событиях и отношение к ним закладывается в подростковый период; именно этот возраст является в этом смысле ключевым. Поэтому особенно важно продолжить исследования, которые помогли бы выяснить, как именно формируются у молодежи в России представления об истории, каковы их источники и как на этот процесс может повлиять государство.

Сомнения в том, что учебник, да и процесс школьного обучения вообще играет существенную роль в передаче ценностной информации, были высказаны еще Карлом Мангеймом. Он писал:

«Как в количественном, так и в качественном отношении данные, сообщенные путем сознательного обучения, не столь уж важны. Все те установки и идеи, что продолжают удовлетворительно действовать в новой ситуации и служат основным инвентарем коллективной жизни, передаются и транслируются неосознанно и неумышленно: они как бы просачиваются от учителя к ученику, а те об этом не подозревают»⁸.

За время, прошедшее с 1928 года, когда была написана эта работа, значение непосредственно передаваемых от учителя к ученику знаний значительно снизилось, главным образом из-за появления дополнительных информационных каналов.

Последствия конкуренции информационных потоков видны и на российских данных. Абсолютное большинство исследователей идеологии в школе исходят из предпосылки, что наибольшее влияние на формирование мировоззрения ребенка оказывает школа. Этот тезис подвергается сомнению в недавней работе российских социологов⁹. Так, выясняется, что, по мнению самих подростков, среди каналов информации о событиях века (таких, например, как ГУЛАГ, Великая Отечественная война и проч.) школа, учителя или учебники занимают одно из последних мест по значимости. На первом месте оказываются даже не родители, а телевидение и кинофильмы¹⁰. И хотя не очевидно, что респонденты способны самостоятельно оценивать значимость источников информации о мире, в любом случае эти результаты побуждают к

тому, чтобы внимательней изучить «сферу потребления» применительно к преподаванию истории в школе.

Число академических исследований, посвященных анализу содержания школьных учебников, заметно превышает количество работ о школьных уроках и о непосредственном восприятии самими школьниками преподаваемых им доктрин. Понятно, что контент-анализ сопряжен с куда меньшими временными и финансовыми затратами и к тому же методологически более прост, чем изучение механизмов восприятия идеологии в школе. Но возможно, у подобного перекоса есть и другая причина: та роль, которую отводит учебникам истории сам «заказчик» идеологии, то есть государство.

Роль государственной идеологии в школе

Идея о том, что учебнику истории должно быть отведено центральное место в идеологической конструкции, формулировалась в СССР еще в 1930-е годы. В марте 1934 года положению дел с преподаванием истории в школе было посвящено два заседания Политбюро, и на обоих обсуждалось исключительно содержание учебников, а не методика их преподавания. Общим местом стал тот факт, что Сталин лично принимал участие в редактировании общего школьного учебника истории. При наличии более чем жесткой «вертикали» не допускалась мысль о том, что сигнал, посланный сверху в виде директивы — учебника, может не дойти или дойти с искажением до «низа» — ученика. Как показал Давид Бранденбергер, результат уже тогда не вполне соответствовал ожиданиям творцов¹¹.

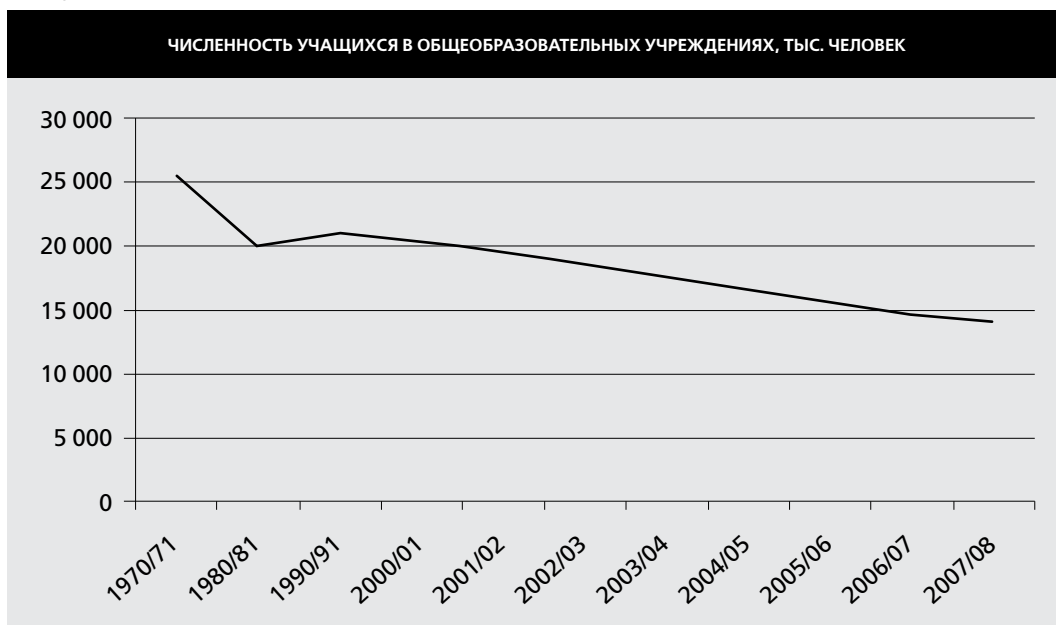
Вслед за Сталиным, породившим идею новой империи, современные руководители государства, столкнувшись с необходимостью сформулировать государственную идеологию,

обращаются все к тому же учебнику истории. Владимир Путин неоднократно с начала 2000-х годов высказывался по поводу учебников истории, в первую очередь подозревая недоброе в тех авторах пособий, чей труд оплачен не государством. Во время встречи с ветеранами в Новороссийске в мае 2010 года он заявил: «Надо посмотреть, что у нас в учебниках пишут и кто это делает, на чьи деньги, с какой целью»¹². Пространно высказался о значении учебников и президент Дмитрий Медведев. Для него «миссия учебников, миссия исторической литературы абсолютно очевидна» — это источник чистой или грязной (в зависимости от интенции автора) идеологии. Дети, продолжая эту метафору, подобны губке: «если они начинают с детских лет впитывать неверную информацию, потом очень трудно поменять точку зрения»¹³.

Сторонники активного участия государства в идеологическом воспитании молодежи также считают школьный учебник главным инструментом индоктринации. В целом

критикуя тот самый учебник Филиппова за недостаточно государственническую направленность и ту — в действительности весьма умеренную — критику прошлого, которую себе все же позволяют авторы, рецензенты из прокремлевского Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования в целом оценивают учебник весьма положительно, полагая, что его публикация не позволит «потерять для России молодые поколения». Этот труд задает правильные государственно-патриотические ориентиры, что «выгодно отличает авторов нового учебника от историков-“общечеловеков”, о которых Путин отозвался как о когорте западных грантополучателей». По мнению авторов, история (не столько прошлое, сколько школьный предмет) «превращается в поле геополитического противостояния. Преднамеренная негативизация за рубежом российского исторического прошлого является одним из приемов борьбы против России»¹⁴.

Рис. 1

Источник: Росстат

Барьеры на пути идеологии в школе

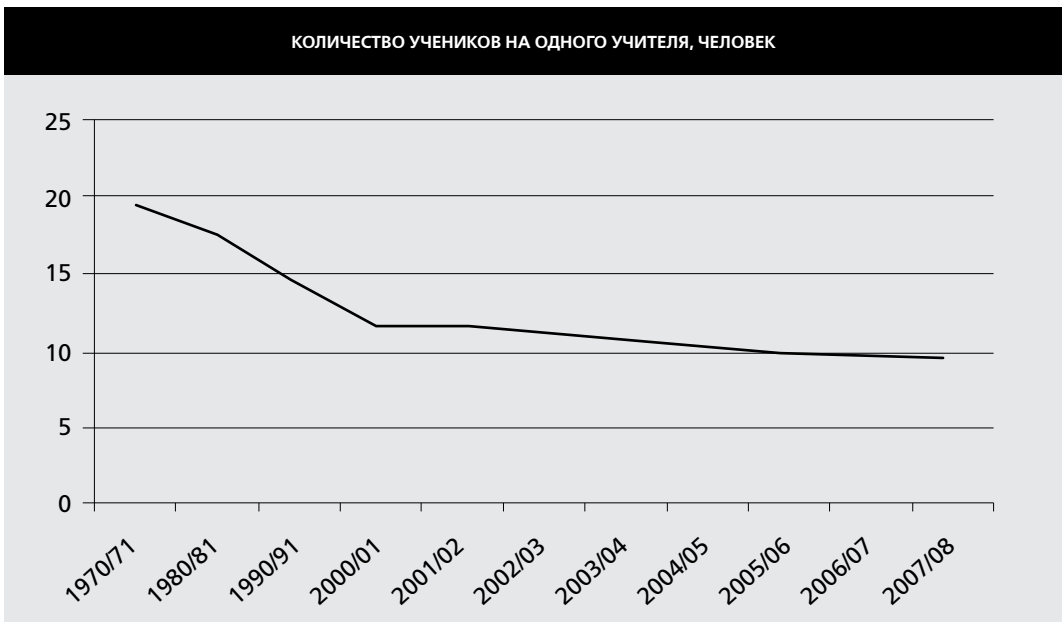
Среди преподавателей истории в российской средней школе существует давний и устойчивый спрос на единый учебник по отечественной истории — впрочем, не находящий отклика в Министерстве образования. Массовые настроения в этом смысле не отличаются от позиции учителей: в 2010 году, по данным Левада-Центра, более 70 проц. респондентов отвечали положительно на вопрос, нужно ли преподавать историю в школах по единому для всех учебнику. Даже в период наибольшего подъема демократических чувств в начале 1990-х годов учителя предпочитали множеству учебных пособий один, но «правильный» учебник¹⁵.

В советское время учебник истории был плодом государственного заказа — он писался по поручению ЦК КПСС, которое спускалось по цепочке вниз к Министерству образования, обрастая по дороге конкретными деталями. Последний госзаказ был сформирован в 1989 году, но так никогда и

не был выполнен¹⁶. Путин еще в 2001-м обещал, что единый учебник будет наконец создан, но по прошествии десяти лет это так и не было сделано.

В рамках школьной системы на пути установок, спускаемых сверху вниз, возникают два различных по своей сути барьера: практический и теоретический. На практике эффективному «прохождению сигнала» препятствует современное административное устройство образования: это и ограниченное количество часов, отведенных в базисном учебном плане на уроки истории, и совпадение наиболее идеологически «насыщенных» учебных периодов со сдачей выпускных экзаменов, и региональная структура финансирования образования, и «концентрическая» система обучения истории. Вместе с тем существуют теоретические препятствия, мешающие усвоению идеологии на ценностном уровне. То, что «государственнические» идеологи называют «системой ценностей, ориентированной на государство», пред-

Рис. 2

Источник: Росстат

ставляет собой по большей части механическое повторение клише производства конца 1970-х годов и плохо усваивается современным молодежным сознанием. Что-то мешает регенерации этого дискурса, но для того, чтобы выяснить, что именно, требуется отдельное исследование.

КОЛИЧЕСТВО УЧИТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВ Напомним некоторые ключевые социально-демографические характеристики современной российской образовательной системы. Почти 40 лет, начиная с 1970 года, количество школьников в системе общего образования неуклонно падает¹⁷ (см. рис. 1 на с. 120), но из-за сокращения количества учителей нагрузка на учителя за последние 10 лет остается относительно неизменной¹⁸ (см. рис. 2 на с. 121). При этом нагрузка на учителя сильно варьирует от региона к региону: средняя наполняемость классов колеблется от десяти человек в Орловской области до двадцати четырех в Москве и тридцати в Ингушетии. Подобный разброс в количестве учеников в классе — еще один, хоть и не самый значимый фактор, препятствующий той унификации учебного процесса, которая необходима для выстраивания единого дискурса в преподавании истории.

Важной характеристикой образовательной системы, разумеется, является состав учительского корпуса. Учителя — одна из самых многочисленных категорий госслужащих (по данным Росстата, 1,1 миллиона человек¹⁹). Средний возраст учителя в России — 52 года²⁰, 86 проц. из них — женщины²¹. Несмотря на то что российские педвузы выпускают 120 тыс. выпускников ежегодно, менее 5 проц. из них идут работать по специальности. Взгляды этого многомиллионного отряда женщин среднего и старшего возраста, по большей части получивших образование еще в советских вузах, без сомнения, влияют на ту трансформацию, которую

претерпевают идеологические установки на «последней миле» — перед непосредственной передачей их ученикам, однако особенности мировоззрения и представлений учителей изучены крайне мало.

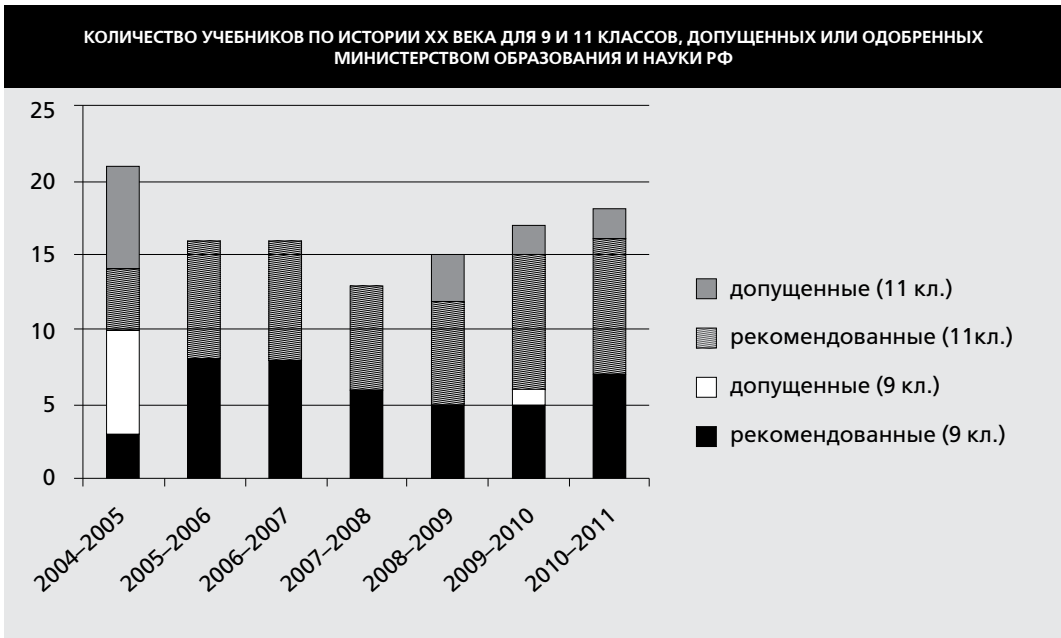
ФИНАНСИРОВАНИЕ Общее (школьное) образование финансируется из региональных бюджетов. По данным на 1 января 2010 года, источники финансирования общего образования выглядели так: 99,3 проц. — консолидированные бюджеты субъектов РФ, 0,7 проц. — федеральный бюджет²².

Нецентрализованная структура финансирования создает еще одно препятствие к созданию идеологической «вертикали» в школе. Контроль над региональным образовательным бюджетом теоретически позволяет местным властям проводить свою политику в школе. Так, учитель истории — член «Объединения учителей истории Республики Татарстан» рассказывал, что наполнение республиканских коллекторов, через которые осуществляются закупки и распределение учебников, контролируется администрацией региона, которая иногда ставит препоны на пути учебников с «неправильным», по мнению чиновников Татарстана, содержанием.

ЕДИНЫЙ УЧЕБНИК Формально право учителя выбирать учебник и методические материалы закреплено в статье 55 п. 4 ФЗ-3266-1 «Об образовании»:

«При исполнении профессиональных обязанностей педагогические работники имеют право на свободу выбора и использования методик обучения и воспитания, учебных пособий и материалов, учебников в соответствии с образовательной программой, утвержденной образовательным учреждением, методов оценки знаний обучающихся, воспитанников»²³.

Рис. 3

Источник: расчеты автора, Министерство образования и науки РФ

В Федеральном перечне учебников, рекомендованных Министерством образования к использованию в образовательном процессе в общеобразовательных учреждениях на 2009/10 учебный год, содержится 5 учебников различных авторов по истории России для 9 класса; для 11 класса – 15 учебников различных авторов. В список допущенных включены еще 1 учебник для 9 класса и еще 5 учебников различных авторов (включая скандальный учебник Филиппова) для 11 класса. (Динамику см. на рис. 3 на с. 123.) За те три года, которые прошли с момента издания учебника Филиппова, он так и не попал в разряд «рекомендованных». В эту категорию включаются лишь те учебники, которые создают «серию», покрывающую учебную программу нескольких классов подряд (например, если группа авторов пишет историю России от древних времен вплоть до XX века).

Обычно весной представители издательств, выпускающих школьные учебники,

устраивают *road-show* по школам, демонстрируя свою новую продукцию. В конце учебного года каждый учитель истории подает школьному библиотекарю бланк заказа на те учебники (в соответствии со списком Министерства образования), которые он хотел бы приобрести. Помимо учебников сюда входят еще «рабочие тетради» для учеников, а иногда также методические пособия для учителей с планом занятий.

В мае 2010 года автором данной статьи была проведена серия глубинных интервью с учителями истории средней школы из разных российских регионов. За исключением Татарстана, ни один из интервьюируемых не сталкивался с давлением ни школьной администрации, ни региональных органов образования в деле выбора учебников. Не слышали они подобных жалоб и от своих коллег. Выпуск все новых учебников истории XX века (за 9 и 11 класс), рекомендованных или допущенных Министерством образова-

ния за последние годы, также не подтверждает гипотезу о «ползучей» централизации.

По словам методиста Центра повышения квалификации учителей при Министерстве образования и учителя истории одной из московских школ²⁴, значительное число учителей сами требуют перехода на единый учебник. При этом мотивом являются не идеологические соображения, а стремление к экономии усилий — единый учебник, а главное, единые материалы к нему, «спускаемые» сверху, избавили бы многих учителей от необходимости самостоятельного выбора и конструирования собственного учебного плана. Но пока такие предложения, как уже было сказано выше, не находят поддержки в Министерстве образования.

БАЗИСНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН Однако, несмотря на региональное финансирование средней школы, возможности регионов влиять на содержание образования невелики (если не считать право определять ассортимент учеб-

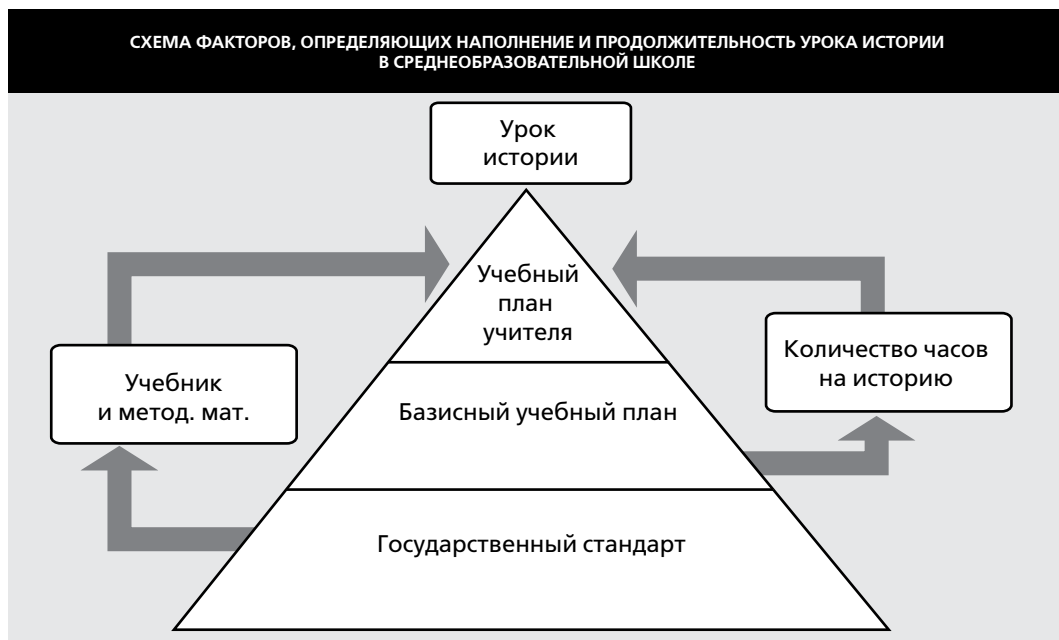
ников, приобретаемых региональными коллекторами). Содержание образования определяется двумя документами: Стандартами образования и Базисным учебным планом.

Базисный учебный план (БУП), не давая особенной свободы регионам, при этом сужает возможности для выстраивания идеологической «вертикали» из-за небольшого количества часов, выделяемых на историю (см. рис. 4 на с. 124).

Базисный учебный план состоит из трех компонентов: федерального, регионального и школьного. 75 проц. времени выделяется на федеральный компонент. Им предусмотрены 2 урока истории по 45 минут в неделю — в любом классе (включая 9 и 11 классы, когда преподается история XX века).

Сумма часов (распределенных в рамках трех компонентов) на все школьные предметы почти равна нагрузке, предельно допустимой по санитарным нормам. Это определяет верхнюю границу: без пересмотра санитарных норм (что маловероятно,

Рис. 4

учитывая, что перегруженность российского школьника стала общим местом в дискуссиях об образовании) дополнительные часы на новые предметы или усиление «идеологической» составляющей можно «добыть» только из разницы между предельной нормой и уже распределенным временем.

В 9 классе БУП включает в себя 3 урока регионального/школьного компонентов при пятидневной неделе. Федеральный БУП для полного (11 классов) образования предусматривает для 10–11 класса 2 урока в неделю. Те школы, которые выбрали профильное обучение по истории, имеют 4 урока истории в неделю. В школах с профильным учебным планом, предусматривающим расширенное преподавание истории, обучается не более 10 проц. российских школьников.

ВРЕМЯ, ВЫДЕЛЯЕМОЕ НА ИСТОРИЮ XX ВЕКА Хотя любое историческое событие может быть интерпретировано и использовано в идеологических целях (например, события 1612 года), но именно XX век особенно ценен для решения идеологических задач: именно отношение к определенным событиям XX века лежит в основе той или иной политической позиции человека. В соответствии с Образовательными стандартами, утвержденными Министерством образования и науки РФ, в 9 и 11 классах средней школы изучаются такие темы, как голод начала 1930-х годов, массовые репрессии, пакт Молотова–Риббентропа, 1990-е годы и реформы, «путинская» Россия.

Количество уроков истории – 2 раза по 45 минут в неделю определяет то весьма небольшое пространство для идеологического маневра, которое остается в распоряжении учителя истории.

Наиболее идеологически насыщенными в любом курсе и учебнике истории являются последние годы (1991–2010). Даже на уровне Стандартов образования они имеют яркую идеологическую окраску. «Путинские» 2000-е

даются чаще всего по контрасту с «лихими девяностыми»; базовая трактовка 2000-х примерно сводится к следующему: это время, когда восстановилось достоинство России как мировой державы, время спокойствия и уверенности в будущем. Но большая часть учителей вообще не успевает дойти до этого периода (поскольку его изучение приходится на самый конец учебного года), а если и успевает, то излагает его за один урок, а значит, скомканно. Крайне беглому и поверхностному изучению «самой новейшей» истории способствует и структура единого государственного экзамена, в котором на этот период отводится один вопрос из пятидесяти.

Это подтверждает и само Министерство образования: так, в ежегодном отчете Федерального института педагогических измерений (ФИПИ) большое количество неверных ответов на вопросы об истории XX века объясняется так:

«Не последнюю роль играет недостаток учебного времени, особенно на изучение истории современной России, в связи с чем учитель вынужден прибегать к поверхностному рассмотрению проблем, часто в форме обзорного изложения материалов»²⁵.

Любопытно также отметить, что на начало мая, когда проводились интервью, ни один из учителей не успел пройти со своими учениками материал дальше брежневской эпохи, а двое из опрошенных учителей не дошли даже до 1945 года, притом что до конца учебного года оставалось десять дней.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ Существующие стандарты по общему (9 классов) и полному (11 классов) образованию приняты в 2004 году. В учительской среде они называются стандартами первого поколения, в противоположность стандартам второго поколения, вступившим в силу с 1 сентября 2010 года, впрочем, пока толь-

ко для начальной школы. Стандарты второго поколения для общей школы (5–9 классы) были приняты 17 декабря 2010-го, но совершенно неясно, будут ли готовы методические материалы, соответствующие этим стандартам, к 1 сентября 2012 года – сроку, установленному Министерством образования. Федеральные образовательные стандарты для старшей школы (10–11 классы) находятся в разработке, и сопровождающие эту разработку скандалы позволяют с уверенностью говорить, что в обозримом будущем сохранятся старые стандарты.

В текущем Стандарте по истории первой целью, на которую направлено изучение истории в школе, называется:

«Воспитание гражданственности, формирование национальной идентичности, развитие мировоззренческих убеждений учащихся на основе осмысления ими исто-

рически сложившихся культурных, религиозных, этнонациональных традиций, нравственных и социальных установок, идеологических доктрин».

В Стандарте второго поколения этот текст заменен на:

«Воспитание российской гражданской идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлое и настоящее многонационального народа России; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия народов России и человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей многонационального российского общества; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной».

Рис. 5

Источник: Официальный информационный портал ЕГЭ (www.ege.edu.ru)

В Стандарте помимо общей части (перечисление навыков, которыми должны владеть учащиеся по окончании курса) содержится список тем, которые учащимся нужно изучить. Тем самым Стандарт во многом определяет содержание учебника: чтобы он был допущен в качестве такового в школы, в нем должны быть так или иначе отражены все темы, перечисленные в Стандарте. Сам Стандарт, в общем, достаточно нейтрален и не содержит идеологических «смещений». Исключение, пожалуй, может составить последняя часть (период 2000-х годов), в которой Стандарт предписывает преподавать следующее:

*«Выборы Президента России в 2000 г.
Курс на укрепление государственности,
экономический подъем, социальную и
политическую стабильность, укрепление*

*национальной безопасности, достойное
для России место в мировом сообществе».*

Но для того, чтобы оценить масштаб воздействия стандартов на содержание урока истории (в отличие от учебника!), надо сначала понять, как устроена жизнь школьника в тех классах, в которых в соответствии со Стандартом и Базисным учебным планом изучают историю XX века.

«КОНЦЕТРЫ» С 1993 года в России используется так называемая «концентрическая» система преподавания истории. Историю России школьники проходят дважды: один раз с 5-го по 9-й класс, второй раз – в 10–11 классах. Оба раза изучение истории XX века приходится на «выпускные» классы: 9-й и 11-й. Переход с концентрической системы на линейную и обратно происходил в истории

Рис. 6

Источник: Официальный информационный портал ЕГЭ (www.ege.edu.ru)

российской школы четыре раза: в 1934, 1959, 1965 и 1993 годах. Любопытно, что введение линейной системы в преподавании истории (1934–1959, 1965–1993 годы) совпадало с периодами особенно жесткого давления государственной идеологии на школьную систему. По-видимому, линейная система лучше подходит для выстраивания единой версии истории, необходимой для построения ясной и непротиворечивой идеологии.

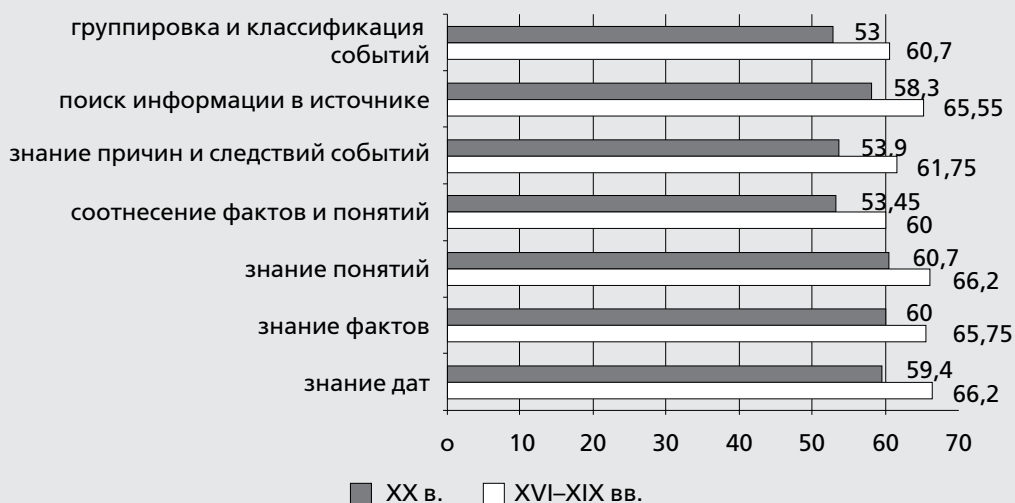
В 1993 году часть учителей выражала недовольство в связи с переходом с линейной системы на концентрическую. Появилось даже «Воззвание к президенту», в котором группа учителей из российских провинций требовала возврата к линейной системе²⁶, объясняя, что при концентрической все обучение происходит в суете и на тот же XX век решительно не остается времени. Однако нет никаких признаков того, что в ближайшее время Минобрнауки откажется от «концентриков», в частности, потому что они лежат

в основе профилизации, на которую делается большая ставка в реформе образования – и, в частности, в вызвавших столько шума новых образовательных стандартах. В какой мере министерству удастся отстоять идею профилизации – пока неясно, но в любом случае существующая на сегодняшний день система «концентриков», по словам и сторонников и противников этой системы, препятствует унификации исторического образования и формирования единого идеологического курса.

ЕГЭ Определяющим фактором, своего рода «венцом» школьного курса, в первую очередь в выпускных (10–11) классах, является сдача Единого государственного экзамена. По словам одного из ведущих экспертов в области образования, «сегодня ЕГЭ – единственный критерий, с помощью которого проверяют и ученика, и учителей (в некоторых регионах даже зарплата от этого зависит), и школы, и

Рис. 7

СРЕДНИЙ БАЛЛ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ХАРАКТЕРИСТИКАМ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ ПО ИСТОРИИ XVI–XIX И XX ВЕКОВ

Источник: Официальный информационный портал ЕГЭ (www.ege.edu.ru)

сами регионы. Все заинтересованы в хороших показателях...»²⁷

В отличие от Стандартов, Базисного учебного плана, Концепций развития образования и пр., ЕГЭ по истории непосредственно определяет то, чему будут учить детей на уроках.

В 2007 и 2008 годах ЕГЭ по истории проводился в качестве эксперимента. С 2009-го он проходит в штатном режиме и является единственной формой сдачи выпускных экзаменов и, тем самым, основной формой вступительных экзаменов в вуз.

В отличие от обязательных ЕГЭ по русскому и математике, ЕГЭ по истории является экзаменом «по выбору», то есть его сдают только те, кому необходимо представить

целом, что влечет, по словам учителей, административные последствия.

ЕГЭ состоит из пятидесяти вопросов, разбитых на три части, А, В и С, по уровню сложности. Последняя часть — самая сложная и не имеет распределения по периодам, а в частях А и В на историю России XX века выделено чуть менее половины вопросов. Из них только один вопрос касается периода 1991—2010 годов — что выглядит вполне логично, поскольку, как сказано выше, школьники практически не успевают пройти этот период в течение учебного года.

Даже самый поверхностный взгляд на статистику результатов ЕГЭ (см. рис. 5 и 6 на с. 126 и 127) позволяет сделать несколько выводов.

“В целом историю школьники знают хуже, чем литературу, русский язык или математику, а историю XX века — еще хуже, чем историю в целом”.

его при поступлении в избранный вуз (как правило, ЕГЭ по истории требуется для поступления на гуманитарные факультеты). В 2009 году экзамен по истории сдавали более 185 тыс. выпускников в 83 регионах, это 18,4 проц. от всех сдававших ЕГЭ (в 2008-м историю сдавали 4,6 проц. выпускников).

Хотя сдает ЕГЭ по истории лишь каждый пятый учащийся, подготовка к единому экзамену во многом определяет формат обучения школьников в 11 классе. Как правило, уже в 10 классе содержание образования направлено в первую очередь на будущую сдачу ЕГЭ. Школьники — участники конкурса исторических сочинений «Человек в истории. Россия — XX век», организованного правозащитным обществом «Мемориал», рассказывают, что в их школах (из пяти разных регионов) учителя требуют определяться с тем, будешь ли ты сдавать ЕГЭ по истории, в начале 10-го класса. Иначе они не могут гарантировать результат, а это «портит статистику школы» и района в

В целом историю школьники знают плохо — на графиках на сайте ЕГЭ видно, что результаты литературы, русского языка, математики имеют нормальное распределение, а пик результатов ЕГЭ по истории приходится на минимальный балл (30 баллов) — большая часть школьников «переваливает» порог сдачи²⁸, но с трудом.

При этом историю XX века школьники знают еще хуже, чем историю в целом: анализ результатов ЕГЭ за 2008—2009 годы показывает, что по всем семи характеристикам, которые предусмотрены создателями ЕГЭ для оценки знаний, результаты по XX веку заметно ниже, чем по предыдущему периоду (см. рис. 7 на с. 128)²⁹.

Отчеты ФИПИ также говорят о том, что низкий уровень усвоения истории XX века связан с недостаточным количеством часов, выделенных на изучение этого периода. Как видно из отчета за 2009 год, министерство знает о том, что до послевоенного периода у учителей руки, как правило, не доходят:

«Наибольшие проблемы у выпускников возникли при выполнении заданий, посвященных XX веку. <...> Объяснение этому во многом следует искать в объективной сложности освоения знаний, особенно по периоду конца 1980-х гг., 1990-х гг. и начала XXI в. Не последнюю роль играет недостаток учебного времени, особенно на изучение истории современной России, в связи с чем учитель вынужден прибегать к поверхностному рассмотрению проблем, часто в форме обзорного изложения материалов. <...> ответы выпускников на экзамене по истории свидетельствуют о незначительной степени овладения учащимися знаниями о жизни страны в последнее десятилетие XX в. и в начале XXI в.»³⁰.

Из отчета за 2008 год:

«Представляется, что противоречивость сложившейся ситуации по периоду 1945–2007 гг. во многом объясняется, как и в предыдущие годы, недостаточным временем, отводимым в школе на изучение обширного и достаточно сложного материала, на его повторение и закрепление»³¹.

Теоретический барьер

Итак, фрагменты государственно-патриотической идеологии, содержащиеся в учебниках, не так просто «запахнуть» в головы учащихся. Во всяком случае, для того, чтобы образовательная система могла быть использована как идеологическая машина, потребуется в корне ее перестроить. Но представим себе, что механизм индоктринации был бы идеально отлажен: все школы были бы обязаны выбирать один и тот же «правильный» учебник (условно «учебник Филиппова»); на уроки истории, особенно XX века, было бы отведено больше времени; учителя и ученики не были бы

нацелены только на подготовку к ЕГЭ и т. д. Был бы подобный механизм эффективен для навязывания школьникам «правильной» идеологии? Этот вопрос требует отдельного масштабного исследования, однако в контексте данной статьи можно в самом общем виде сформулировать несколько наблюдений собственно о содержании государственной идеологии. Как показывает контент-анализ учебников, даже в рамках одного и того же текста логические построения, которые должны подтолкнуть читателя/ученика к тем или иным выводам, отличаются крайней нестройностью³². К тому же государственная идеология представляет собой в основном набор стереотипов, изложенных на языке лирической государственности, сформулированных еще в 1970-х годах и дошедших до нас почти в неизменном виде³³. В результате, к примеру, в школьных стенгазетах школьники младших классов говорят жестяным голосом советской пропаганды (стенгазеты представляют собой ценный источник, к сожалению недооцененный исследователями; между тем именно в них можно найти интересную информацию о том, как происходит передача идеологием и дискурса от старшего поколения к младшему). Восьмиклассница из Волгограда пишет о встрече с ветеранами ВОВ:

«Для гостей был подготовлен урок Мужества. <...> Ветераны задавали непростые вопросы: “Что вы понимаете под словом «подвиг»? Смогли бы вы совершить его? Смогли бы вы, ради спасения миллионов, пожертвовать собственной жизнью?” Все понимали, что отвечать то надо честно, ведь ветераны любую неискренность могли заметить! Одобрение в их глазах служило нам самой высокой оценкой!»³⁴

Современная школьная пропаганда не просто вынуждена по бедности брать взаймы у 1970-х годов, отчего она безнадежно отры-

вається от современной действительности. Радикальный разрыв между государственной пропагандой и реальностью имел место и в 1970-е. В наши дни сила «патриотического» высказывания дополнительно подрывается оттого, что, в отличие от брежневского периода, сегодня российскому гражданину, и школьнику в том числе, доступно постоянно растущее разнообразие каналов информации. Учебник, да и школа в целом теряют монополию, более не являясь ни единственным источником знаний о прошлом, ни моральным ориентиром. Это подтверждают не только социологические опросы, но и интервью с учителями — как московских гимназий, так и небольших сельских школ³⁵.

Заключение

Пока нет никаких признаков, указывающих на то, что российским учителям истории пытаются навязать единственно верный учебник. Сохраняется и разнообразие методических материалов, имеющих в распоряжении учителя. Есть серьезные сомнения в том, что система российского образования может быть эффективным механизмом идеологической индоктринации.

Содержание занятий по истории XX века в 11 классе в большой мере определяется подготовкой к ЕГЭ (в 9 классе ту же роль, хотя и в меньшей степени, играет подготовка к Государственной итоговой аттестации, экзамену-аналогу ЕГЭ для младших классов, который пока проходит в порядке эксперимента, но в ближайшие годы будет превращен в штатный). Что бы ни было написано в учебнике, пространство для пропаганды крайне ограничено ничтожным количеством часов, выделенных для преподавания истории.

Предположим, уроки дистиллированного патриотизма можно было бы облечь в форму нового предмета (такого, например, как бурно обсуждаемая в начале 2011 года

«Россия в мире» или курс начальной военной подготовки), при планировании которого можно было бы выстроить более жесткую вертикаль — с единым учебником, жестким контролем из Центра за содержанием уроков, идеологически правильно воспитанными учителями. Помимо чисто технических проблем — дефицита «свободных» часов в программе, нехватки педагогических кадров и контролирующих органов — такая попытка имела бы, как представляется, мало шансов на успех в силу проблем, связанных собственно с идеологической основой. У Центра нет цельной и четкой идеологии, а носители «патриотических» идей не могут создать новый, приспособленный к современным условиям дискурс, который мог бы заменить остатки риторики 1970-х годов, которые по-прежнему используются в школе.

В течение 2000-х происходило ухудшение уровня российского образования. В рейтингах *PISA* наша страна в 2000 году заняла 26–29 место, в 2006-м — 33–38, в 2009-м — 40–43³⁶. При этом знание истории у российских школьников находится на более низком уровне по сравнению с другими предметами, такими как математика или литература. Смутные представления о прошлом страны и отсутствие консенсуса относительно наиболее болезненных эпизодов отечественной истории не означают, что современные подростки не имеют общей, разделяемой большинством взрослых сограждан системы представлений. Этот общий культурный код, во многом порождаемый и воспроизводимый в недрах школы, включает в себя среди прочего и потребительские ценности среднего класса, и неприязнь к милиции, и растущую ксенофобию. Карта жизненных ценностей российского подростка еще не составлена. Как она формируется и насколько на нее способна повлиять образовательная система — должно стать предметом отдельного исследования. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ <http://lethea.livejournal.com/502209.html>

² *Lisovskaya E., Karpov V.* New Ideologies in Postcommunist Russian Textbooks // Comparative Education Review. 1999. No 4. P. 522–543.

³ См. например: Educational Reform in Post-Soviet Russia: Legacies and Prospects / B. Eklof, E. Holmes, V. Kaplan (eds). Abingdon, UK: Frank Cass, 2005; *Lisovskaya E., Karpov V.* Op. cit.; *Zajda J., Zajda R.* The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia // International Review of Education. 2003. No 3–4 (49). P. 363–384.

⁴ *Levintova E., Butterfield J.* History Education and Historical Remembrance in Contemporary Russia: Sources of Political Attitudes of Pro-Kremlin Youth // Communist and Post-Communist Studies. Vol. 43. June 2010. P. 139–166.

⁵ *Mendeloff D.* Demystifying Textbooks in Post-Soviet Russia // ISRE Newsletter. Vol. 5. Fall 1996. P. 16.

⁶ *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1991.

⁷ *Schuman H., Corning A.* Collective Knowledge of Public Events: The Soviet Era from the Great Purge to Glasnost // The American Journal of Sociology. Vol. 105. 2000. No 4. P. 913–956.

⁸ *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.

⁹ *Зоркая Н.* «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. № 3.

¹⁰ Вопрос о том, почему государственная идеология лучше усваивается современными подростками через телевидение и кинофильмы, чем через школьное образование, чрезвычайно интересен, однако находится за рамками данного исследования. Вообще, говоря о возможных каналах индоктринации современных российских подростков, можно упомянуть, например, соображение, высказанное исследователями Лисовской и Карповым (см. выше). Это авторы предлагают перевести взгляд с учебников истории на учебники литературы. Трактовка творчества Ф.М. Достоевского, говорят они, менялась в зависимости от эпохи: от «певца угнетенных» в конце 1980-х к «провозвестнику подлинного русского духа» в начале 2000-х в противовес алчному индивидуалистическому мировосприятию западного человека.

¹¹ *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания: 1931–1956. М.: Академический проект, 2009. С. 46–47.

¹² См.: Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился в Новороссийске с ветеранами Великой Отечественной войны. 2010. 7 мая (<http://www.premier.gov.ru/events/news/10513/>).

¹³ Дмитрий Медведев: «Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали» // Известия. 2010. 7 мая.

¹⁴ *Багдасарян В.Э.* и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. С. 357. См. также их рецензию в журнале «Преподавание истории в школе» (2009. № 6).

¹⁵ *Merridale C.* Redesigning History in contemporary Russia // Journal of Contemporary History. Vol. 38. Jan. 2003. P. 23.

¹⁶ *Вяземский Е.* Новые концепции российских учебников истории. М.: Аиро–XX, 2002. С. 20.

¹⁷ Российский статистический ежегодник / Сб. М.: Госкомстат РФ, 2009.

¹⁸ Дети в России / Сб. М.: Госкомстат РФ, 2009.

¹⁹ Численность обучающихся и учителей в государственных и муниципальных общеобразовательных учреждениях на начало 2009/10 учебного года (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/obr2.htm).

²⁰ Интервью с Еленой Соболевой 6 марта 2006 года (www.polit.ru/science/2006/03/06/sobol.html)

²¹ *Баскакова М.А.* Мужчины и женщины в системе образования // Вопросы образования. 2005. № 1. С. 276–303.

²² Ежегодный отчет Министерства образования и науки РФ. Приложение 1: «Основные показатели деятельности Министерства образования и науки РФ». М., 2010.

²³ ФЗ-3266-1 «Об образовании», статья 55, п. 4.

²⁴ Интервью 5 мая 2010.

²⁵ Ежегодный отчет ФИПИ. М., 2009.

²⁶ Прислано автору школьным учителем истории из с. Приреченское Красноярского края 3 мая 2010 года.

²⁷ Из интервью члена Президиума Федерального экспертного совета по образованию Евгения Бунимовича. Цит. по: *Зубакова М.* Так нечестно // Итоги. № 26. 2009. 22 июня.

²⁸ Официальный информационный портал ЕГЭ (www.ege.edu.ru).

²⁹ Там же.

³⁰ Аналитический отчет ФИПИ 2009. С. 28.

³¹ ФИПИ: Итоги ЕГЭ за 2008 г. //

Преподавание истории в школе. 2008. № 10.

³² *Lisovskaya E., Karпов V.* Op. cit.

³³ *Гудков Л.* Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 3.

См. также: *Дубин Б.В.* «Кровавая» Война и «Великая» Победа // Отечественные записки. 2004. № 5.

³⁴ *Соснина О.* Урок мужества // Лицей – это мы (школьная газета, г. Волгоград). № 44. 2010. Февраль.

³⁵ Например, интервью 3 мая 2010 г. с учителем истории Г.Я.Д. (СОШ № 1217 Архангельской обл.), интервью с учителем истории Т.Н.Э. (СОШ № 1567 г. Москвы).

³⁶ *PISA – Programme for International Student Assessment* (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся). Тест, проводимый раз в три года ОЭСР (Организацией экономического сотрудничества и развития). Тестируются подростки 15 лет. Данные доступны на сайте pisa.oecd.org.